

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 101.1 (470) (091) "19"

М. А. Арефьев, А. Г. Давыденкова

Н. Д. Кондратьев как социальный философ

Статья посвящена анализу социально-философских взглядов Николая Дмитриевича Кондратьева, известного российско-советского экономиста, создателя международно принятой концепции длинных волн конъюнктуры. Кондратьев – вдумчивый ученый, требовавший научно обосновывать каждый практический шаг с точки зрения общественной его значимости. Составление перспективных планов, считал Кондратьев, должно быть делом лиц, отличающихся высоким профессионализмом, умением сочетать практику и теорию. Он успел наметить основные ориентиры теории предвидения и методологии перспективного социалистического (государственного) планирования.

The article is devoted to the analysis of social and philosophical views of Nikolai Dmitrievich Kondratyev, a well-known Russian-Soviet economist, the Creator of the internationally accepted concept of conjuncture long waves. Kondratyev was a thoughtful scientist who required substantiating for every practical step from the point of view of the public importance. Drawing up long-term plans, as Kondratyev believed, should be a matter of persons with high professionalism, the ability to combine practice and theory. He managed to outline the main guidelines of the foresight theory and long-term socialist (state) planning methodology.

Ключевые слова: концепция длинных волн конъюнктуры, поведенческие акты человека, общественные связи и отношения, культурные составляющие общества, проблемы символического.

Key words: the long waves of the conjuncture concept, human behavioral acts, social relations, cultural components of society, symbolic problems.

В 2018 г. исполнилось 80 лет со дня трагического ухода из жизни известного отечественного мыслителя, создателя международно принятой концепции длинных волн конъюнктуры («кондратьевских циклов») Николая Дмитриевича Кондратьева (1892–1938). Но есть у него заслуги перед наукой и обществом, которые до сих пор не до конца

осмыслены даже современными экономистами, не говоря уже о философах и социологах. Мы присоединяемся к общей характеристике этого отечественного учёного, которая дана доктором экономических наук Н. А. Макашевой: «Н. Д. Кондратьев, как и П. А. Сорокин, принадлежал к числу главных действующих лиц взрыва научного творчества первой трети XX в.» [8, с. 710]. И если Сорокин получил всеобщее признание как социолог и культуролог, то вклад Кондратьева в философское осмысление социальных процессов далеко еще не понят. Оценивать его можно как значительного практика-экономиста, но в первую очередь всё же, как вдумчивого ученого, требующего научно обосновывать каждый практический шаг с точки зрения общественной его значимости не только на конкретном этапе, но и в далёкой перспективе. Вспомним в связи с этим имя и идеи другого отечественного учёного – Владимира Ивановича Вернадского, предсказавшего в начале XX в. глобализацию проблем человечества.

Необходимость научного предвидения становится ведущей задачей общетеоретических наработок в социальной философии и теоретической социологии. Если мировое сообщество не сможет научиться смотреть вперед, опираясь на научные знания, у него не будет возможности уверенно выбирать вектор развития, а значит – обеспечивать собственное существование. Вклад Кондратьева в общетеоретические социальные науки с точки зрения прогностической деятельности значителен и требует специального анализа.

Любое дело, за которое брался Кондратьев, он пытался осмыслить с точки зрения приложения к нему научного знания. Это касалось и планирования, и прогнозирования – того, чему он посвятил свою недолгую жизнь, ни на минуту не усомнившись, что это дело имеет огромную общественную значимость, Кондратьев считал, что планы должны основываться на строгих научных исследованиях и до конца жизни занимался разработкой методологии планирования и прогнозирования социалистической экономики России.

Исходной предпосылкой научного планирования, по его мнению, является сочетание генетического метода, основанного на экстраполяции тенденций экономической действительности на будущее, с телеологическим методом, ориентированным на достижение независимой целевой установки в перспективный период. Для того чтобы эти планы были реальными, следует опираться на прогнозы, учитывающие закономерности статики, динамики и генетики, тенденции экономической конъюнктуры, изменение условий внутреннего и мирового рынков. Составление перспективных планов, считал Кондратьев, должно быть делом лиц, отличающихся высоким про-

фессионализмом, умением сочетать практику и теорию, поскольку нет ничего более практичного, чем проверенная теория.

В основе научного прогнозирования лежат познание и использование закономерностей развития общества, которые требуют основательной философской и социологической базы. Таким образом, Кондратьев выходит на проблематику социальной философии и теоретической социологии. Прежде всего, он предлагает опереться на гносеологические истоки, обеспечивающие логически выверенную структуру применения достижений науки. Учёный исходит из трех ступеней познания, находящих выражение в трех типах социальных законов, которые служат теоретической основой прогнозирования [10]:

- закономерности статики позволяют обоснованно определять структурные пропорции социально-экономической системы, обеспечивающие ее функционирование, сбалансированность составных элементов;

- закономерности динамики помогают предвидеть перемены в этой системе в разных фазах среднесрочных, долгосрочных и сверхдолгосрочных (цивилизационных) циклов, тенденции взаимовлияния циклических колебаний в смежных и отдаленных сферах, время наступления кризисов, обоснованно их диагностировать и выбирать оптимальные пути выхода из них, при этом экономические кризисы рассматриваются как естественные и необходимые явления развития социально-экономических систем;

- закономерности социогенетики дают возможность выявить внутреннюю логику саморазвития общественных систем, их неизменное ядро, наследственность и изменчивость в их динамике, обоснованно произвести отбор полезных перемен, адаптирующих социально-экономическую систему к изменениям общественного и природного характера.

Проблема исследования социальных и культурных закономерностей – одна из ведущих в социальной философии. Как пишут петербургские философы А. С. Кармин и Г. Г. Бернацкий:

«Для философского подхода к познанию общества характерно стремление осмыслить его сущность, понять особенности, отличающие социальную реальность от природной (физической, биологической) реальности. Как это вообще свойственно философскому мышлению, социальная философия ищет «первоначало», исходные принципы объяснения общественной жизни» [2, с. 202].

Современные экономисты признают, но мало используют, кондратьевскую разработку больших циклов экономической конъюнктуры. Она может опираться в основном только на опытную базу динамики капиталистического общества, поскольку социалистическая динамика в исторической перспективе оказалась краткосрочной. Кондратьев успел только наметить ориентиры теории предвидения и методологии перспективного социалистического (государственного) планирования и чуть больше сделать выводов в конкретной сфере – о перспективном плане развития сельского и лесного хозяйства [9, с. 375–413].

Планировать и прогнозировать общественное развитие во всех его сферах возможно только точно представляя потребностный мир человека и человеческих сообществ. В рассуждениях об обществе Кондратьев опирается на мотивационную структуру «актов поведения», делая акцент именно на «сознательную» их часть. Осознание и интерпретация поведения могут быть разными.

Есть телеологические акты, они направлены на достижение определенной цели (получение удовольствия, хозяйственной выгоды; получение научного, технического, художественного эффекта – то есть утилитарные, гедонические, объективные). Эти действия свершаются по схеме *«для того, чтобы»*.

Есть алогические акты поведения, в которых удовлетворение какой-либо потребности не осознаётся как ясно поставленная цель (скорее, осознание приходит позднее). Здесь действует (чаще причинная и оправдательная) схема *«потому что»*. Мотивационная структура поведения человека использовалась Кондратьевым в статье «Проблемы предвидения», опубликованной в журнале Конъюнктурного института «Вопросы конъюнктуры» (1926).

В этой работе разработаны в общем виде достаточно осмысленные основы теории предвидения и методологии перспективного планирования. Ссылаясь на длинную историю стремления человека «приподнять завесу грядущего и предвидеть ход событий», Кондратьев пишет, что «в основе интереса к прогнозу лежат достаточно сильные жизненные мотивы. Эти мотивы имеют двоякий характер: теоретический и практический» [3, с. 509]. Он приводит пример такой связи из астрономии: прогноз Галлея и Клеро о тождестве наблюдавшейся кометы (1531, 1607 и 1682), который был подтвержден Георгом Паличем в 1758 г. Этот классический пример удачного прогноза в области естествознания, по словам Кондратьева, «с исключительной наглядностью вскрывает теоретическое значение предвидения»: *прогноз выступает в качестве метода проверки научных теорий и гипотез*.

В социально-экономической жизни проблема прогноза имеет несомненное практическое значение:

«Выдвигается ли проект социальной реформы, предлагается ли та или иная мера экономической политики, строится ли тот или иной план регулирования народного хозяйства, проводится ли задача организации частного предприятия и т. д., всюду ставится вопрос об активном вмешательстве в ход событий окружающей социально-экономической среды и вопрос о предвидении хода последующих событий» [3, с. 511].

Определить значение прогноза – это только начало для плановой деятельности (планового руководства социально-экономической жизнью). Прогнозирование предполагает, как отмечает Кондратьев, постановку ряда вопросов, требующих к себе научного подхода и соответствующего практического деятельностного ответа на них: (1) В чем состоит сущность прогноза; (2) На какие предпосылки он опирается; (3) Чем и как определяются его пределы и возможности; (4) Каковы основные типы прогноза.

Разрабатывая проблему социально-экономического прогноза, Кондратьев как социальный философ опирается на работу В. Вундта «Система философии» (1902). Вместе с тем, он выступает против претензий философии на построение универсальной системы знаний. Он отмечает также некоторую ограниченность философских возможностей прогнозирования. Он подчёркивает, что предвидение «с общепhilosophической точки зрения может быть плодотворным лишь в том случае, если оно ориентировано» на данных «специальных исследований». Отвечая на вопрос, в чем состоит сущность прогноза и какое место он занимает в системе нашего знания, Кондратьев даёт определение самого понятия «прогноз»: «Такое обоснованное заключение от событий, уже данных в опыте, к возможному выходу событий, которые нам ещё не даны и не наступили, мы называем прогнозом» [3, с. 513].

Ссылаясь на работы по методологии истории А. С. Лаппо-Данилевского [6], классификацию наук О. Конта, Кондратьев отмечает, что в науке всегда существует проблема доверия описанию фактов действительности и событийного ряда в истории, что надо видеть отличия воспроизведения или конструирования от простого описания. В прогнозе мы имеем знание, которое всегда является как бы рабочей гипотезой, «без которой мы, однако, не можем обойтись в практике». Но есть отличие прогноза от пророчества: пророчество предполагает «сверхъестественную одаренность прорицателя», прогноз же основывается на данных научного знания, основанного на систематическом изучении действительности. Кондратьев доказывает, ссылаясь на работы С. Н. Булгакова (История экономических учений, 1911), Н. И. Бухарина (Исторический материализм, 1922), Р. Штаммлера

(Хозяйство и право, 1907), Э. Мейрсона (Тождественность и действительность, 1912), Хр. Зигварта (Логика, 1909) и др., что предвидение возможно в определенных пределах, ограниченных историческим временем, состоянием экономики и общественных отношений. Вопрос же заключается в том, на какие предпосылки предвидение должно опираться.

Во-первых, прогноз возможен в случае, если между событиями действительности существует необходимая причинная связь. Фактическое знание не сводится исключительно к установлению причинных связей, тем не менее оно «или *опирается* на предпосылку этой связи, или *стремится* к её установлению».

Во-вторых, прогноз возможен при всей ограниченности наших познавательных способностей лишь в условии существования не только причинных связей, но и закономерности их хода. Кондратьев в определении закономерности как единообразного хода событий ссылается на систему логики Дж. Ст. Милля [7]. Единообразие и повторяемость связаны именно с понятием закономерности.

Важной является и третья предпосылка предсказуемости и возможности прогноза – наличие знания этих связей и закономерностей, «а также, разумеется, знания констелляции (взаимного расположения и взаимодействия различных факторов – *М.А., А.Д.*), стечение обстоятельств событий в какой-то исходный момент» [3, с. 533].

Поведенческие акты человека и человеческих сообществ носят разную направленность – на природу, на других людей, на себя, на метафизические начала, понимаемые как идеологемы. Предвидение и планирование должно учитывать эти моменты. Но для предвидения социальной жизни особенно важны именно социальные связи. Кондратьев строит свою классификацию социальных связей.

Само понятие социальной связи (или отношения) – важнейшая категория теоретической социологии того времени. Наиболее известно «учение о связях», развитое Леопольдом фон Визе (1876–1969), профессором Ганноверского и Кёльнского университетов, автором книги «Система общей социологии». Классификация социальных связей, по Кондратьеву, есть результат его полемики на эту тему с Бухариным, который с позиций господствующего исторического материализма (социальной философии марксизма) рассуждал о преимущественно экономическом характере общественных связей.

Кондратьев в своей классификации делит связи людей на непосредственные (системно-структурно ощущаемые, направленные на удовлетворение потребностей) и опосредованные (направленные на создание условий для удовлетворения потребностей). Другими словами, в его классификации общественных отношений ключевым моментом выступают философско-антропологические характеристики [1].

Непосредственные связи соединяют людей в совокупности в данное время в данном месте – в трудовой деятельности, играх, выполнении религиозных ритуалов и т. д. Три аспекта непосредственных связей выделяет Кондратьев:

- материальный – каждый участник своим действием в рамках этой связи оказывает влияние на других;
- психологический – тот настрой, который возникает у участников совместных действий;
- идеальный – те идеально-логические представления о сообществе, которые в определённых случаях вырабатывают чувства принадлежности к общим идеалам (нравственным, религиозным, политическим). Используя современную терминологию, их можно было бы определить как связи культурно-исторические.

Опосредованные связи Кондратьев делит на *связи-взаимодействия* (отношения людей, разделённых географически, но живущих в одну и ту же историческую эпоху и связанных единой производственной цепочкой) и *связи-воздействия* (имеются ввиду преемственные связи людей разных исторических эпох через материальную и духовную культуру, умонастроения, идеалы). Опосредованные связи несут в себе материальные, психологические и идеальные аспекты. Когда в каждый момент времени живущие люди совершают акты физического труда, они пользуются орудиями и средствами производства, организационными методами и навыками, перешедшими от предыдущих поколений. Когда они совершают акты умственного труда, они опираются на сумму идей, добытых этими поколениями и зафиксированных литературно. Когда люди проявляют себя в сфере искусства, религии, политики, права и т. д., они отправляются от совокупности тех верований, тех достижений и духовных течений, которые перешли от прошлого. Каждое новое поколение людей в своём жизнеустройстве и социальном поведении таким образом связано с поведением предшествовавших поколений. Эта связь имеет очевидно опосредствованный характер.

Ссылаясь на закон гетерогонии целей, сформулированный немецким философом и психологом Вундтом (под влиянием общественной среды, те цели, которые ставятся себе отдельными лицами, никогда не осуществляются в точном соответствии с первоначальными предположениями, а всегда – с теми или иными отклонениями от них), Кондратьев делает вывод, что не только целевые действия человека, не только условия, но и всякое поведение человека в условиях массовых связей и взаимодействия подвержено закону гетерогонии. Одновременно поведение подвержено и закону полной или частичной деперсонализации результатов.

Укажем, что проблема объективации общественных закономерностей в тот исторический период была весьма актуальной. В частности, её исследовал выдающийся историк и культуролог XX века Арнольд Тойнби в своем многотомном труде «Постижение истории». Идея действия так называемого закона «золотой середины», как равнодействующей социальных усилий общественно значимых групп, была одной из ведущих в его социальной философии [11].

Особое значение Кондратьев придаёт связям, основанным на духовно-идейной зависимости. Главу вторую своего произведения «Основные проблемы экономической статики и динамики» [4] он посвящает строению общества и основным формам духовной культуры. Сумму коллективных идей, имеющуюся в обществе в определённую эпоху, он называет *идеологическим рядом общества*, в который включаются научные понятия и суждения, правовые и моральные установления, политические ценности и идеалы, религиозные верования, эстетические представления. В культурно-историческом процессе различные идеи и ценности борются и согласуются друг с другом. Побеждают и выживают те, что наиболее полно отвечают коллективному опыту (научному, религиозному, политическому, эстетическому). Когда-то возникнув в индивидуальном сознании, та или иная идея становится коллективной, признанной многими, то есть деперсонифицируется. В этом отрыве идей от породивших их авторов, а также от судьбы отдельных лиц, разделяющих их, проявляется *один из самых основных признаков коллективно-социальной природы идей*, живущих в обществе. Идея живёт, пока существуют социальные условия, затем её вытесняют и заменяют другие идеи. Это характерно и для научных, и для религиозных, и для политических идей, и для эстетики мировосприятия.

Кондратьев убедительно показывает, что существующая в данном обществе или в той или иной его части система идей (не хаотичная, а организованная система) является не чем-то внешним и иллюзорным, а совершенно объективным фактом, имеющим определенные и прочные связи со всей системой общественной жизни и поведения людей.

Господствующие в обществе идеи Кондратьев называет системой идей. Наличные коллективные идеи на практике представляют собой не хаотическую сумму, а именно организованную систему. Эта организованность заключается в первую очередь в их дифференциации по специальным областям жизни и деятельности, к которым они имеют отношение (научные, религиозные, правовые, эстетические), в учениях и верованиях. В пределах каждой такой области они всегда имеют внутреннюю иерархию по степени общности, важности, актуально-

сти. Причем в одной и той же области, например в области политических или религиозных идей, мы можем наблюдать две и даже более сосуществующие мирно или, наоборот, конфликтующих системы идей. Такая организация идей является отражением внутренней логики строения и связи каждой данной идеологической сферы, но в то же время и отражением строения самого общества.

Система идей как таковых, приходит к выводу Кондратьев, не имеет пространственно-временного бытия. Она находит символическое отображение в языке, в печати, в памятниках искусства. Здесь идеи как бы застывают в неизменном и потенциальном виде. Живыми и действительными они становятся конкретно лишь тогда, когда индивидуальное сознание человека под влиянием указанных материальных условий или внутренних психических процессов вновь воспроизводит их, развивая и модернизируя, а зачастую и трансформируя. Тогда они выступают как фактор стимулирования, ориентации и связи актов человеческого поведения; тогда, преломляясь через индивидуальную психику, они становятся значимыми социальными силами, способными к дальнейшему развитию. В качестве таких важнейших социальных сил для Кондратьева выступают религиозные группировки. В его трактовке религия – это феномен, охватывающий значительную часть общества и одновременно вторгающийся в пределы других обществ, обнаруживая столь же высокую или даже большую степень устойчивости и длительности существования, чем государство и классы.

Проблема символического рассматривается Кондратьевым на примере товарного фетишизма. Роль символизма в общественной жизни, по его мнению, чрезвычайно широка. Особенно значительна она в сфере искусства, религии и права. Другими словами – в тех формах духовной культуры, где сложно, а часто даже невозможно найти адекватное вещное выражение этих явлений. В широком смысле слова, все социальные вещи символичны, поскольку, включаясь во взаимоотношения людей, они приобретают новые, физически им не свойственные социальные качества. Так, например, в макроэкономике используется термин «товарного фетишизма». В религиоведении под фетишизмом понимается «религиозное поклонение материальным предметам, которым приписываются не присущие им свойства (способность исцелять, предохранять от врагов, помогать на охоте и т. п.). Впервые эта форма верований была обнаружена португальскими моряками в Западной Африке в XV в., а затем многочисленные модификации фетишизма были выявлены в религиях почти всех народов» [5, с. 1110]. Явление фетишизма было распространено К. Марксом на отношение людей к товарам. Однако понятие «фетишизм» отражает бо-

лее широкий круг явлений, проникающий в сферу всей общественной жизни.

В качестве вывода укажем, что Кондратьев в постреволюционный период продолжил теоретические традиции отечественной общественной мысли. Его дискуссии в области философии и социологии с государственной идеологией исторического материализма отразили факт дифференциации социальной мысли на идеологически признанную и оппозиционную. Именно последняя в дальнейшем стимулировала новаторские теоретические изыскания в рамках советской философии: идеи М. М. Бахтина (понимание символического в качестве мира внутренних переживаний), А. Ф. Лосева (диалектико-феноменологическое понимание мифа), В. П. Тугаринова (введение понятия ценности как того, что нужно людям для удовлетворения потребностей и интересов).

Список литературы

1. Давыденкова А. Г., Стельмашук Г. В. Человек и его потребности. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2007.
2. Кармин А. С., Бернацкий Г. Г. Философия: учеб. для вузов. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2006.
3. Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды – М.: Экономика, 2002.
4. Кондратьев Н. Д. Основные проблемы экономической статики и динамики» Предварительный эскиз. – М.: Наука, 1991. [Электронный ресурс]. – URL: <https://studfiles.net/preview/460633/page:9/> (дата обращения: 20.11.2018).
5. Красников А. Н. Фетишизм // Религиоведение: Энциклопедический словарь. – М.: Академический Проект, 2006. – С. 1110.
6. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. Вып. II. – СПб., 1913.
7. Милль Дж. Ст. Система логики / пер. В. И. Ивановского. – 2-е изд. – М.: Издание Г. А. Лемана, 1914.
8. Мокашева Н. А. Наследие Н. Д. Кондратьева: взгляд из XXI века // Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. – М.: Экономика, 2002. – С. 708–750.
9. Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства: доклад от Народного комиссариата земледелия РСФСР на пленарном заседании Президиума Госплана СССР // Кондратьев Н. Д. Избр. соч. – М.: Экономика, 1993. – С. 375–413.
10. Теория предвидения Н. Д. Кондратьева и методология интегрального прогнозирования. [Электронный ресурс]. – URL: <https://uchebnik.online/biznes-planirovanie/teoriya-predvideniya-kondrateva-metodologiya-33274.html>
11. Тойнби А. Дж. Исследование истории: в 3 т. / пер. К. Я. Кожурина. – СПб.: Изд-во СПбГУ; Изд-во Олега Абышко, 2006.